

На правах рукописи

Любченко Максим Янович

**Взаимодействие Европейского Суда по правам человека
и национальных судебных юрисдикций**

Специальность – 12.00.15 Гражданский процесс; арбитражный процесс

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва – 2018

Работа выполнена на кафедре гражданского процесса Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский федеральный университет»

- Научный руководитель** – **Сахнова Татьяна Владимировна**,
доктор юридических наук, профессор
- Официальные оппоненты** – **Борисова Елена Александровна**,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского процесса
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
- Лукьянова Ирина Николаевна**,
кандидат юридических наук, доцент, старший
научный сотрудник сектора гражданского
права, гражданского и арбитражного
процесса Института государства и права
Российской Академии Наук
- Ведущая организация** – **Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Уральский государственный
юридический университет»**

Защита состоится «27» июня 2018 года в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д.503.001.01 в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации по адресу: 117218, г. Москва, ул. Большая Черемушкинская, д. 34.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации – www.izak.ru.

Автореферат разослан «__» апреля 2018 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат юридических наук

А.И. Щукин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Проблема взаимодействия Европейского Суда по правам человека (далее также – ЕСПЧ, Европейский Суд) и национальных судебных юрисдикций, раскрываемая через призму гражданского процесса, – это проблема горизонтальной гармонизации цивилистического процесса посредством цивилистической процессуальной формы. Она особенно актуализировалась в XXI в. благодаря участию России в Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция, ЕКПЧ, Европейская конвенция), а также признанию *ipso facto* юрисдикции ЕСПЧ.

Ратификация Россией Европейской конвенции в 1998 г. означает, с одной стороны, что граждане и организации после исчерпания внутригосударственных средств защиты получили право на обращение в ЕСПЧ с жалобами на нарушение государством их прав, гарантированных Конвенцией, а с другой – что РФ признает юрисдикцию ЕСПЧ в отношении толкования норм Европейской конвенции и обязуется исполнять его ставшие обязательными постановления в части выплаты сумм присужденной справедливой компенсации.

Такое положение дел приводило законотворческие, правоприменительные и академические умы к мысли, оформившейся в господствовавшую долгое время концепцию, о включенности ЕСПЧ в иерархию национальных судебных учреждений в качестве высшей инстанции, осуществляющей правосудные функции. В таком случае единственно верным способом учета правовых позиций Европейского Суда виделась их имплементация, при которой они, словно в зеркале, должны отражаться в национальных правопорядках.

Однако, как показывают законодательные и правоприменительные новеллы последних лет, происходящие в разных правопорядках (Англия, Германия, Италия, Австрия, Россия), государства более не удовлетворены формулой “Страсбург высказался – дело закрыто” и озабочены выстраиванием “диалога” с международным судом, причем не только и не столько на международном уровне, сколько на уровне внутринациональном.

Последнее возможно лишь при выработке эффективного юридического механизма взаимодействия судебных юрисдикций с ЕСПЧ, позволяющего применять правовые позиции последнего не как самодовлеющую непререкаемую константу, а обдуманно и с учетом национального контекста посредством гражданской процессуальной формы. При таких обстоятельствах ЕСПЧ, как и было задумано разработчиками Конвенции, ставится в положение вторичного переводчика конвенционных прав; их основным же интерпретатором должен выступать сам национальный суд, разрешающий дело по существу и дающий толкование ст. 6 ЕКПЧ, в первую очередь, в ее контексте, а также в свете объекта и целей международного договора и, лишь во вторую – с учетом практики действующего международного суда.

Это, в свою очередь, актуализирует множество вопросов онтологического и прикладного характера. Научного анализа и определения требует правовая природа деятельности ЕСПЧ в контексте гармонизации цивилистического процесса, а также правовая природа и юридическая сила его постановлений и содержащихся в них правовых позиций. В качественном переосмыслении нуждается, казалось бы, традиционный вопрос о роли и месте ЕКПЧ в числе источников гражданского процессуального права. Очевидна потребность в теоретическом осмыслении механизма взаимодействия ЕСПЧ и национальных судебных юрисдикций, а также в выработке предложений по его практической реализации. Всем этим предопределена актуальность темы настоящего исследования.

Степень разработанности темы. В гражданском процессуальном праве основными трудами в области права на справедливое судебное разбирательство и роли ЕСПЧ в его развитии являются следующие фундаментальные исследования: монография С.Ф. Афанасьева “Право на справедливое судебное разбирательство: общая характеристика и его реализация в российском гражданском судопроизводстве” (2009 г.) и его последующая докторская диссертация “Право на справедливое судебное разбирательство: теоретико-практическое исследование влияния Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод на

российское гражданское судопроизводство” (2010 г.); монография Т.В. Соловьевой “Постановления Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека в сфере гражданского судопроизводства и порядок их реализации” (2011 г.) и ее совместная с И.В. Воронцовой монография “Постановления Европейского Суда по правам человека в гражданском процессе Российской Федерации” (2010 г.), а также их докторские диссертации: “Нормы международного права как источник гражданского процессуального права” (И.В. Воронцова, 2015 г.) и “Реализация в гражданском судопроизводстве актов высших судебных органов” (Т.В. Соловьева, 2014 г.); монография и одноименная кандидатская диссертация М.Е. Глазковой “Применение европейских стандартов отправления правосудия в российском арбитражном процессе” (2012 г. и 2010 г. соответственно). Кроме того, постановления ЕСПЧ явились объектом научного интереса в кандидатских диссертациях Э.В. Иодковского “Решения Европейского Суда по правам человека в гражданском судопроизводстве” (2014 г.) и К.В. Машковой “Исполнение постановлений Европейского Суда по правам человека в гражданском и арбитражном процессах” (2014 г.).

Вместе с тем проблема взаимодействия ЕСПЧ и национальных судебных юрисдикций до настоящего времени монографическому исследованию в доктрине гражданского процессуального права не подвергалась.

Противоречивы и разрозненны взгляды теоретиков на проблематику выявления юридической силы постановлений ЕСПЧ; злободневной тенденцией научных работ последнего времени стало *a priori* говорить о прецедентном характере названных актов, избегая сущностного анализа их правовой природы, равно как и правовой природы содержащихся в них правовых позиций Суда.

Хотя в отечественной цивилистической процессуальной доктрине ранее предпринималась постановка проблемы горизонтальной гармонизации цивилистического процесса через развитие взаимодействия с ЕСПЧ (В.В. Блажеев, Т.В. Сахнова), на диссертационном уровне она до настоящего времени не исследовалась.

Удостоившийся широкого внимания со стороны юридического сообщества принцип субсидиарности важен лишь с международно-правовой, публичной точки зрения, но не способен стать правовой основой взаимодействия ЕСПЧ с национальными судебными юрисдикциями. Напротив, положенный в основу настоящего исследования принцип свободы усмотрения (*margin of appreciation*) перспективен в качестве методологического обоснования процедурного взаимодействия ЕСПЧ и национальных судебных юрисдикций. Однако он в отечественной доктрине в таком ракурсе не рассматривается и находит лишь эпизодическое упоминание.

В литературе существуют отдельные исследования онтологии и процессуального алгоритма процедур (а) пересмотра судебных постановлений по новым обстоятельствам, в том числе на основании постановлений ЕСПЧ (Т.Т. Алиев, Г.А. Жилин, А.В. Ильин, М.Ш. Пацация, Р.К. Петручак и др.), и (б) присуждения компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок (А.Ф. Афанасьев, В.А. Белякова, И.В. Решетникова, В.В. Ярков и др.). Однако, не умаляя достоинств трудов приведенных правоведов, нужно констатировать, что они посвящены решению иных проблем, поэтому взгляд на указанные традиционные институты процессуального права сквозь призму взаимодействия национальных судебных юрисдикций с ЕСПЧ в них не присутствует.

Таким образом, комплексные монографические исследования, направленные на научное осмысление онтологии и прикладного механизма взаимодействия ЕСПЧ и национальных судебных юрисдикций, в гражданском процессуальном праве отсутствуют.

Объект и предмет исследования. *Объектом* диссертационного исследования выступают общественные отношения, возникающие при взаимодействии ЕСПЧ с национальными судебными юрисдикциями в процессе опосредованного институтами процессуального права применения судами ст. 6 ЕКПЧ и её толкования с учетом практики ЕСПЧ. *Предмет* исследования включает в себя общепризнанные принципы и нормы международного права в

области правосудия, источники гражданского процессуального права, доктринальные источники, материалы судебной и правоприменительной практики, включая постановления ЕСПЧ, а также иные документы по теме исследования.

Цель и задачи исследования. *Цель* настоящего исследования обусловлена актуальностью темы диссертации и заключается в разработке концептуальных и методологических основ процедурного взаимодействия ЕСПЧ и национальных судебных юрисдикций на основе норм национального гражданского процессуального права. Достижение поставленной цели потребовало постановки и решения следующих исследовательских *задач*:

1) определить правовую природу деятельности ЕСПЧ с точки зрения истории его создания, правового статуса и предназначения;

2) выявить процессуальное содержание категории “гармонизация цивилистического процесса” как онтологической основы взаимодействия ЕСПЧ и национальных судебных юрисдикций;

3) исследовать доктринальные и правоприменительные подходы к определению правовой природы постановлений ЕСПЧ и содержащихся в них правовых позиций, после чего выработать единую концепцию для объяснения их юридической силы в национальных судебных юрисдикциях;

4) сформулировать правовые основы взаимодействия ЕСПЧ и национальных судебных юрисдикций, для чего (а) определить роль и место ЕСПЧ в структуре правовой системы РФ и (б) проследить зарождение и развитие доктрины свободы усмотрения (*margin of appreciation doctrine*), а также её эволюцию в функциональный принцип взаимодействия;

5) разработать прикладной механизм опосредованного применения судами ст. 6 ЕКПЧ (с учетом практики ЕСПЧ) через институты национального гражданского процессуального права.

Методологическая основа исследования включает универсальные общенаучные (формально-логический, системный, описательный, сравнение, анализ и синтез, обобщение и сопоставление, дедукция и индукция) и

специальные частнонаучные (юридико-догматический, исторического и сравнительного правоведения) методы познания.

Нормативная и эмпирическая базы исследования. *Нормативную основу* диссертационного исследования составили международно-правовые акты, Конституция РФ, федеральные конституционные и федеральные законы РФ, процессуальные кодексы РФ (ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ), подзаконные акты и проекты нормативных актов. В ходе работы над диссертацией анализировались также и некоторые нормативные акты зарубежных стран по вопросу учета практики ЕСПЧ. *Эмпирическая база* исследования включает материалы российской и зарубежной судебной практики.

Теоретическая основа исследования включает доктринальные источники по гражданскому процессуальному праву, а также по общей теории права, международному, конституционному и гражданскому праву.

Общеправовую основу исследования составляют труды таких ученых-теоретиков советского и современного периода, как С.Л. Зивс, Д.А. Керимов, М.Н. Марченко, В.А. Толстик. При рассмотрении отдельных проблемных вопросов использовались труды специалистов по *конституционному* (Н.С. Бондарь, Н.В. Витрук, В.Д. Зорькин, С.П. Маврин), *международному* (А.Х. Абашидзе, Д. Анцилотти, Э.Х. де Аречага, А. Берлингуэр, Я. Броунли, Б.Л. Зимненко, Г.В. Игнатенко, А.И. Ковлер, И.И. Лукашук, С.Ю. Марочкин, Р.А. Мюллерсон, Т.Н. Нешатаева, М. де Сальвиа, В.А. Туманов, Г.И. Тункин) и *гражданскому* (В.П. Грибанов, М.Ф. Лукьяненко, Н.Н. Павлова и др.) праву.

К числу теоретиков в области *цивилистического процесса*, труды которых составили доктринальную основу диссертационного исследования, относятся следующие авторы: Т.Т. Алиев, С.Ф. Афанасьев, В.В. Блажеев, Е.А. Борисова, Е.В. Васьковский, А.Ф. Воронов, И.В. Воронцова, М.Е. Глазкова, Н.А. Громошина, Г.А. Жилин, И.М. Зайцев, А.В. Ильин, Э.В. Иодковский, Д.И. Крымский, Е.В. Кудрявцева, Д.Я. Малешин, О.Н. Малиновский, К.И. Малышев, А.А. Мельников, Е.А. Нефедьев, Г.Л. Осокина, М.Ш. Пацация, Р.К. Петручак, И.А. Приходько, В.К. Пучинский, И.В. Рехтина, В.А. Рязановский,

Т.В. Сахнова, И.Д. Симонов, Т.В. Соловьева, А.Р. Султанов, Л.А. Терехова, М.К. Треушников, Я.Ф. Фархтдинов, А.С. Федина, А.В. Цихоцкий, Т.М. Яблочков, В.В. Ярков и др.

Сравнительно-правовой блок исследования представлен трудами следующих зарубежных правоведов: А. Боднар, А. Брагьова, Х. Кётц, Р. Кросс, Г. Люббе-Вольф, В. Некрошос, К. Цвайгерт, М. Andenas, Yu. Arai-Takahashi, M. Arden, O. Bakircioglu, E. Benvenisti, L. Blutman, L. Cadet, M. Cappelletti, P.G. Carrozza, F. Fabbrini, B. Garth, P. Gilles, P.M.M. van der Grinter, B. Hale, J.I.H. Jacob, F.K. Juenger, K.D. Kerameus, X.E. Kramer, H. Kronke, S. Lambrecht, G. Letsas, M.E.M. Pinedo, C.H. van Rhee, M. Storme, Z. Vernadaki и др.

Научная новизна исследования заключается в том, что диссертация является первым комплексным монографическим исследованием процедур взаимодействия ЕСПЧ и национальных судебных юрисдикций на основе норм и институтов национального гражданского процессуального права. Автором осуществлен сравнительно-правовой анализ законодательного и правоприменительного опыта учета национальными судами разных стран правовых позиций ЕСПЧ, в результате чего разработан прикладной механизм взаимодействия, имеющий конкретную правовую основу (предпосылки и принципы) и процедурное воплощение (механизм взаимодействия).

На защиту выносятся следующие положения, обладающие научной новизной или элементами научной новизны:

1. Взаимодействие ЕСПЧ и национальных судебных юрисдикций обусловлено онтологически – сущностью цивилистического процесса и присущими ему ценностями, выработанными историческим развитием права на справедливое судебное разбирательство, которое, в свою очередь, не было даровано ЕСПЧ, а зародилось эволюционным путем в национальных юрисдикциях задолго до принятия Конвенции и в настоящее время закреплено в качестве общепризнанного принципа международного права (ст. 6 ЕКПЧ), оставаясь при этом на уровне правоприменения национальным правом по своему характеру и содержанию.

2. Цивилистический процесс в разных странах в силу исторических, организационных и культурных особенностей не приемлет внедрения единых для всех правопорядков формально-унифицированных процедур, поэтому гармонизация процесса есть идея, отражающая онтологическое единство процесса, но не сводимая к сближению правовых систем путем конвергенции или унификации процессуального законодательства. В диссертации доказывается, что наиболее эффективным способом гармонизации цивилистического процесса является обеспечение горизонтального взаимодействия ЕСПЧ и национальных судебных юрисдикций.

3. Постановления ЕСПЧ, содержащие его правовые позиции в отношении конвенционных прав, являются обязательным элементом в механизме применения Конвенции независимо от субъектного состава рассмотренного дела. Наряду с контекстом, объектом и целями Конвенции они учитываются национальным судом при осуществлении правосудия по гражданским делам для уяснения содержания соответствующих положений Конвенции, не являясь, однако, для него юридически обязывающими.

4. Постановления ЕСПЧ являются актами неофициального толкования Конвенции. Юридическая сила содержащихся в них правовых позиций предопределена правовой природой деятельности ЕСПЧ и наиболее соотносима с феноменом, известным как “мягкое право” (“*soft law*”), действие которого проявляется (а) на законодательном уровне посредством убеждающего воздействия на государство с тем, чтобы побудить его к реформированию национального законодательства, но не под влиянием принуждения, корреспондирующего исполнению международных обязательств, а на основе умелого использования убеждения, опирающегося на непоколебимую логику правовых аргументов и неоспоримый авторитет международного суда; и (б) в конкретике процессуальных отношений, когда суды при осуществлении правосудия учитывают правовые позиции ЕСПЧ как обязательный элемент в механизме толкования Конвенции.

5. В диссертации доказывается, что роль предпосылки взаимодействия выполняет п. 1 ст. 6 ЕКПЧ как конвенционная норма, закрепляющая ценностные онтологические критерии правосудия, в нормативном единстве с ФЗ о ратификации ЕКПЧ, как юридическим основанием включения Конвенции в правовую систему РФ. Данная предпосылка отражает общие закономерности возникновения и реализации взаимодействия ЕСПЧ и национальных судебных юрисдикций и ее отсутствие является неустранимым препятствием для содержательного процедурного взаимодействия как такового.

6. ЕКПЧ является элементом системы источников международного права как самостоятельной системы права по отношению к системе законодательства РФ о гражданском судопроизводстве. С учетом этого в диссертации аргументируется тезис, что ст. 6 ЕКПЧ не является источником гражданского процессуального права, не имеет прямого действия в процессуальных отношениях и жизнеспособна лишь посредством национальной гражданской процессуальной формы. Ее роль в национальном правопорядке может быть правильно определена лишь в контексте гармонизации цивилистического процесса, но не вертикально выстраиваемой иерархии источников гражданского процессуального права, поскольку Конвенция интегрирована в правовую систему государства (а не систему законодательства о гражданском судопроизводстве) не взамен и не выше, а наравне со всеми ее компонентами как системообразующий и целеполагающий элемент в процессуальных отношениях.

7. Элементом правовой основы взаимодействия ЕСПЧ и национальных судебных юрисдикций является принцип свободы усмотрения (*margin of appreciation*), который из постулата правовой доктрины эволюционировал в функциональный принцип взаимодействия, предполагающий, что национальные суды могут самостоятельно оценить соответствующие стандарты прав, гарантированных ЕКПЧ, в ходе правоприменения при осуществлении правосудия по гражданским делам.

8. Механизм взаимодействия ЕСПЧ и национальных судебных юрисдикций включает в себя конкретные судебные процедуры, урегулированные цивилистической процессуальной формой, посредством которых общепризнанные ценности в области справедливого судебного разбирательства реализуются в конкретных процессуальных отношениях.

На процедурном уровне взаимодействие ЕСПЧ и национальных судебных юрисдикций реализуется (а) через возможность пересмотра по новым обстоятельствам судебных постановлений в случае установления ЕСПЧ нарушения положений ЕКПЧ при рассмотрении судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Европейский Суд, и (б) в процедуре присуждения компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок.

9. Взаимодействие ЕСПЧ и национальных судебных юрисдикций осуществляется также на онтологическом уровне через истолкование влияющих на течение процесса оценочных категорий и основополагающих начал (принципов) цивилистического процесса. Тем самым, определение содержания оценочных категорий и истолкование принципов цивилистического процесса при осуществлении правосудия по гражданским делам есть сущностный элемент механизма взаимодействия ЕСПЧ и национальных судебных юрисдикций.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в разработке процедурных основ взаимодействия ЕСПЧ и национальных судебных юрисдикций. С *научной* точки зрения значимость диссертации состоит в комплексном переосмыслении правовой природы деятельности ЕСПЧ и принимаемых им постановлений, а также роли и механизма воплощения последних в цивилистическом процессе России. Научный аппарат дополнен именами ряда зарубежных правоведов, недостаточно известных в отечественной доктрине, а доктринальная база – анализом их трудов, преломленным под углом зрения российского концепта цивилистического процесса, в отношении малоисследованных правовых категорий (гармонизация цивилистического

процесса, принцип зеркала, принцип свободы усмотрения и др.). Сформулированные в диссертации идеи и выводы могут стать подспорьем для дальнейшей разработки соответствующей проблематики как в рамках цивилистического процесса, так и в других отраслях права.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в законотворческой, а также правоприменительной деятельности в качестве доктринальной основы для дальнейшего совершенствования законодательства в сфере гражданского судопроизводства и судебной практики его применения. Кроме того, материалы диссертации могут использоваться в процессе преподавания дисциплин “Гражданский процесс”, “Арбитражный процесс”, а также при обучении в магистратуре по программам, соответствующим научной специальности настоящего исследования.

Апробация результатов исследования. Диссертационное исследование выполнено и обсуждено на кафедре гражданского процесса Сибирского федерального университета. Документы и материалы, ставшие для него основой, собраны автором в различных российских библиотеках, а также в ходе научной стажировки на юридическом факультете Вильнюсского университета (Литва).

Основные научные выводы отражены в 12 научных работах общим объемом 6,75 п.л., 7 из которых опубликованы в отечественных рецензируемых изданиях – в журналах, включенных в Перечень ВАК (в том числе, одна в журнале, индексируемом в *Web of Science (Russian Science Citation Index)* и одновременно включенном в Перечень ВАК (журнал «Вестник гражданского процесса»)); 2 – на английском языке в зарубежном журнале, индексируемом в *EBSCO* (журнал «*Teise*»), и 3 - в сборниках по итогам научных конференций.

Кроме того результаты исследования апробированы очным участием в ряде научных и научно-практических конференциях: в *МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва)*: XIV Ежегодная международная научно-практическая конференция “Конституционализм и правовая система России: итоги и перспективы” (26 нояб. – 2 дек. 2013 г.); XVI Международная научно-практическая конференция “Стратегии национального развития и задачи российской юридической науки”

(25 нояб. 2015 г.); в МГЮА им. О.Е. Кутафина (г. Москва): VI Международная научно-практическая конференция “Гармонизация российской правовой системы в условиях международной интеграции” (3-5 апр. 2014 г.); в УрГЮА (г. Екатеринбург): XI Всероссийская научная конференция молодых ученых и студентов “Эволюция российского права” (26-27 апр. 2013 г.); в Томском государственном университете (г. Томск): Всероссийская научно-практическая конференция “Правовые проблемы укрепления российской государственности” (26-28 янв. 2012 г.; 31 янв. – 2 февр. 2013 г.; 28-30 янв. 2016 г.); в Сибирском федеральном университете (г. Красноярск): Международная научно-практическая конференция “Дни юридической науки “Енисейские политико-правовые чтения” (23-27 сент. 2013 г.; 17-19 апр. 2014 г.; 24 сент. 2015 г.; 12-24 сент. 2016 г.; 22 сент. 2017 г.).

Структура работы обусловлена целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих восемь параграфов, заключения и списка использованных источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** аргументируются выбор темы и ее актуальность, определяются объект и предмет исследования, его цель, задачи и методологическая основа, дается характеристика степени научной разработанности темы, обосновываются научная новизна с приведением положений, выносимых на защиту, теоретическая и практическая значимость исследования, указываются сведения об апробации его результатов, а также о структуре исследования.

Глава первая диссертации “**Онтология взаимодействия Европейского Суда по правам человека и национальных судебных юрисдикций**” состоит из трех параграфов и посвящена выявлению сущностных основ взаимодействия ЕСПЧ и национальных судебных юрисдикций в области правосудия по гражданским делам.

В первом параграфе “Определение правовой природы деятельности Европейского Суда по правам человека” исследуется история становления и эволюция ЕСПЧ сквозь призму взаимоотношений с национальными судебными юрисдикциями, с учетом чего определяется правовая природа его деятельности.

На основании анализа ЕКПЧ, являющейся правовой основой создания и функционирования Европейского Суда, а также подготовительных материалов (*Travaux Préparatoires*) ее принятия автор приходит к выводу, что цель деятельности ЕСПЧ проистекает из целей принятия самой Конвенции и заключается в обеспечении соблюдения государствами-членами обязательств по защите прав человека и основных свобод, провозглашенных в разделе I ЕКПЧ и протоколах к ней.

Существуют следующие корреспондирующие друг другу способы достижения указанной цели: (а) предоставление физическим лицам и неправительственным организациям права на обращение в ЕСПЧ с жалобой против государства-члена, допустившего нарушение прав человека и основных свобод; и (б) наделение ЕСПЧ правом рассматривать поступившие против государства-члена жалобы и, самостоятельно толкуя положения Конвенции и протоколов к ней, принимать решения, обязательные для исполнения государствами-членами, против которых они вынесены. Названные способы базируются на принципе субсидиарности, являющемся, по мнению автора, организационным принципом деятельности Европейского Суда.

Однако анализ доктрины свидетельствует о преобладании в ней подхода, в соответствии с которым принцип субсидиарности интерпретируется в качестве юридической основы для придания ЕСПЧ статуса наднациональной международной организации, интегрированной в национальную гражданскую процессуальную форму в качестве последней (высшей) инстанции, осуществляющей правосудные функции.

Указанный подход в диссертации отвергается. Автор доказывает, что деятельность ЕСПЧ не соотносима с признаками правосудия – такими, как (а) рассмотрение и разрешение дела по существу (б) особым органом

государственной власти – судом (в) в соответствии с установленной гражданским процессуальным законодательством процессуальной формой.

Кроме того, в диссертации аргументировано, что точка зрения о правосудном характере деятельности ЕСПЧ основана на ошибочном определении его правовой природы как наднациональной организации, поскольку ЕСПЧ не наделен правом интегрировать в национальные правовые порядки юридические акты, обязательные к применению.

Соответственно, автор приходит к выводу, что ЕСПЧ представляет собой международный орган, обеспечивающий посредством толкования норм ЕКПЧ соблюдение государствами-членами обязательств по защите прав человека и основных свобод и, тем самым, жизнеспособность и действенность самой Конвенции.

Во втором параграфе **“Выявление процессуального содержания понятия “гармонизация гражданского процесса” как центральной категории взаимодействия Европейского Суда по правам человека и национальных юрисдикций”** исследуются нормативные и доктринальные концепции гармонизации гражданского процесса, на основе которых выявляется процессуальное содержание данного понятия, являющегося, по мнению автора, онтологической основой взаимодействия ЕСПЧ и национальных судебных юрисдикций.

Отмечается, что в юридической литературе, как отечественной, так и зарубежной, общепринятого понимания гармонизации гражданского процесса не выработано. По существу, она определяется либо через правовую конвергенцию, либо через унификацию. Однако такой подход в диссертации оценивается как ошибочный. Для подтверждения данного тезиса автор обращается к пореформенному развитию гражданского процессуального права в Европе, где происходят наиболее показательные события в этой области, известные как “европеизация” (*europeanisation / europeanization*) гражданского процесса.

Осуществленный в диссертации сравнительно-правовой анализ доктрины и актов коммунитарного права ЕС доказывает, что в Европе апробированы, по существу, два способа сближения процессуального законодательства, укладываемые в концепцию вертикальной гармонизации цивилистического процесса. Во-первых, предпринята попытка реализовать т.н. модель “28го режима гражданского процесса” (*28th regime of civil procedure*), в силу которой к существующим 27^{ми} гражданским процессуальным режимам государств-членов ЕС добавляется еще один – общеевропейский режим, т.е. 28ой. Во-вторых, был воспринят фрагментированный метод сближения правовых систем, в том числе опосредованно – через внедрение процессуальных норм в отраслевые узкоспециализированные области материального права, такие как нормы о браке и разводе, интеллектуальной собственности, защите прав потребителей, конкуренции и др. (подход, получивший название “процессуализация права ЕС через заднюю дверь” (*“proceduralisation of EU law through the back door”*)).

По мнению диссертанта, опыт Европы следует признать неудачным. Декларируемая цель “28го режима гражданского процесса” – замена им, как наиболее эффективным, национальных режимов – достигнута не была: государства оказались не готовы к восприятию чуждых им судеустройственных и процессуальных правил. Фрагментированный метод, по существу, привел к противоположным результатам, отрицательно сказавшись на согласованности европейского процессуального права и идее правовой определенности. Кроме того, усложнение правового регулирования создало для заинтересованных лиц дополнительные трудности в процессе получения судебной защиты (например, проблема *forum shopping*).

В результате автор разделяет подход, базирующийся на анализе классических (Г. Гуго, Ф.К. фон Савиньи, Г.Ф. Пухта, Р. Иеринг) и неоклассических доктрин (М. Каппеллетти (M. Cappelletti), Б. Гарт (B. Garth), М. Шторм (M. Storme), П. Гиллес (P. Gilles), Г. Вагнер (G. Wagner), Ф. Юнгер (F.K. Juenger) и др.), сформировавшихся в европейской юриспруденции, согласно которому процессуальное право является наиболее национальным. Из-за этого

сближение в процессуальном праве затруднительно по онтологическим соображениям – в силу его исторической самобытности, естественным образом отторгающей инородные элементы.

В диссертации аргументирован вывод, что гармонизация цивилистического процесса есть идея, отражающая онтологическое единство процесса и не сводимая к технологическим приемам заимствования отдельных правовых институтов. С учетом этого в диссертации доказывается, что наиболее эффективным способом ее реализации является обеспечение горизонтального взаимодействия национальных судебных юрисдикций с ЕСПЧ посредством учета правовых позиций последнего по толкованию ст. 6 ЕКПЧ как общепризнанного принципа международного права в области правосудия.

В третьем параграфе “Определение юридической силы постановлений и правовых позиций Европейского Суда по правам человека” сгруппированы и подвергнуты критическому анализу существующие в науке концепции относительно правовой природы постановлений ЕСПЧ, с учетом чего сформулирован авторский подход к определению юридической силы постановлений ЕСПЧ и содержащихся в них правовых позиций Суда.

На основе общенаучного метода обобщения автор приходит к выводу, что относительно правовой природы постановлений Европейского Суда сложились три основные концепции: (а) постановление ЕСПЧ – акт правосудия; (б) постановление ЕСПЧ – судебный прецедент как источник гражданского процессуального права; (в) постановление ЕСПЧ – акт официального толкования Конвенции.

Диссертант критически относится к точке зрения о квалификации постановления ЕСПЧ в качестве *акта правосудия* по концептуальным соображениям, обоснованным в § 1 главы 1 диссертации, – ЕСПЧ не является наднациональной формой защиты субъективных гражданских прав и законных интересов, потому не является органом, осуществляющим правосудные функции.

В работе доказывается, что поддержать подход о признании постановлений ЕСПЧ *судебным прецедентом* также едва ли возможно. Автор не разделяет

суждение о равенстве юридической силы норм ЕКПЧ и постановлений Европейского Суда. Европейская конвенция по своей правовой природе представляет собой международный договор, т.е. международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и обязательное для них в силу специальной процедуры выражения согласия на это путем подписания, обмена документами, образующими договор, или ратификации (статьи 2, 11-16 Венской конвенции о праве международных договоров). Признание и применение в рамках правовой системы Европейской конвенции само по себе не означает признания постановлений ЕСПЧ в качестве источника национального права.

Подход о квалификации постановления ЕСПЧ в качестве *акта официального толкования Европейской конвенции* в работе также отвергается как ошибочный. Автор исходит из того, что, во-первых, Конвенция принята не Судом, а группой государств, т.е. она, как и любой международный договор, представляет собой согласование воли государств, ее подписавших, и в силу этого только эти государства обладают исключительным правом по принятию актов официального (аутентичного) толкования Конвенции, которые будут обязательны для них не в силу чьего-либо властного решения, но по причине добровольного обязывания самих себя. Во-вторых, Европейская конвенция не делегирует ЕСПЧ право в какой-либо форме давать официальные разъяснения ее положений.

На взгляд автора, наиболее соответствующей действительности видится квалификация постановления ЕСПЧ в качестве одного из основных средств толкования Европейской конвенции, подлежащего учету национальными судами в ходе осуществления правосудия наряду с другими средствами толкования (контекстом договора, его объектом и целями). Иными словами, это *акт неофициального толкования*.

В работе доказывается, что правовые позиции ЕСПЧ по толкованию норм Конвенции, содержащиеся в его ставших окончательными постановлениях, по своей юридической силе наиболее соотносимы с феноменом, получившим название “мягкое право” (“*soft law*”), действие которого проявляется как (а) *на законодательном уровне* посредством убеждающего воздействия на государство с

тем, чтобы побудить его к реформированию национального законодательства, но не под влиянием принуждения, корреспондирующего исполнению международных обязательств, а на основе умелого использования убеждения, опирающегося на непоколебимую логику правовых аргументов и неоспоримый авторитет международного суда; так и (б) *в конкретике процессуальных отношений*, когда суды при осуществлении правосудия учитывают правовые позиции ЕСПЧ как обязательный элемент в механизме толкования Конвенции.

Глава вторая диссертации **“Правовые основы взаимодействия Европейского Суда по правам человека и национальных судебных юрисдикций”** состоит из двух параграфов и посвящена исследованию норм ЕКПЧ и национального гражданского процессуального права, а также практики их применения высшими судебными инстанциями ряда государств-членов Совета Европы с целью выявления правовых основ, на которых базируется взаимодействие ЕСПЧ и национальных судебных юрисдикций.

В первом параграфе “Конвенция о защите прав человека и основных свобод как предпосылки взаимодействия Европейского Суда по правам человека и национальных судебных юрисдикций” аргументирован тезис о ЕКПЧ как предпосылке взаимодействия ЕСПЧ и национальных судебных юрисдикций, которой дана оценка с точки зрения системы источников гражданского процессуального права и механизмов её применения в конкретике процессуальных отношений.

По мнению автора, ЕКПЧ отражает общие закономерности возникновения и реализации взаимодействия ЕСПЧ и национальных судебных юрисдикций при помощи как конкретных процессуальных процедур, так и в более широком смысле – при истолковании основополагающих начал цивилистического процесса. Тем самым данной нормативной предпосылкой опосредуется сущностное взаимодействие между Европейским Судом как международным судебным органом, принимающим постановления, по своей правовой природе являющиеся актами неофициального толкования Конвенции и подлежащие учету при применении ее норм, и национальными судебными юрисдикциями.

Определяя значение п. 1 ст. 6 ЕКПЧ в национальной правовой системе, автор обращается к анализу ч. 2 ст. 1 ГПК РФ, ч. 3 ст. 3 АПК РФ, ч. 2 ст. 2 КАС РФ и приходит к выводу, что они провозглашают приоритет норм международного договора лишь в том случае, когда ими установлены иные правила судопроизводства, чем те, которые предусмотрены законом. По смыслу указанных законоположений речь в них идет о совокупности правил, регламентирующих порядок осуществления судопроизводства, а также порядок деятельности каждого участника процесса, т.е. – о правилах, образующих цивилистическую процессуальную форму. Однако п. 1 ст. 6 ЕКПЧ правил судопроизводства в себе не содержит, а регулирует международно признанные требования к качеству судебной защиты, следовательно, закрепленное в нем право на справедливое судебное разбирательство относится к числу общепризнанных принципов международного права, но не к правилам судопроизводства.

Автор заключает, что ЕКПЧ не является источником национального гражданского процессуального права. По своей правовой природе она – элемент системы источников международного права суть самостоятельной системы права по отношению к системе законодательства РФ о гражданском судопроизводстве. Ни ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, ни ФЗ РФ от 30.03.1998 г. № 54-ФЗ “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней” ее правовой природы как межгосударственного международного договора не меняют и не трансформируют ее в источник процессуального права РФ. Речь идет о придании Европейской конвенции (с учетом ее толкования Европейским Судом) юридического значения в иной по отношению к ней правовой системе при помощи национальных правовых норм и в этом смысле – о взаимодействии между Европейским Судом (как органом, осуществляющим ее толкование) и национальными судебными юрисдикциями.

Во втором параграфе “Свобода усмотрения как принцип взаимодействия Европейского Суда по правам человека и национальных судебных юрисдикций” исследовано эволюционное развитие предлагаемых

доктриной и судебной практикой различных принципов взаимодействия ЕСПЧ и национальных судебных юрисдикций.

Посредством метода сравнительно-правового исследования определен исторически первый принцип, на котором строилось взаимоотношение между ЕСПЧ и национальными судебными юрисдикциями. В диссертации доказывается, что он был сформулирован и доктринально аргументирован в Англии и получил название “принцип зеркала” (*“mirror principle”*). Позднее была разработана его модификация – “повышенный принцип зеркала” (*“heightened mirror principle”*). Согласно данным принципам защита прав человека на внутригосударственном уровне, предоставляемая в соответствии с Актом о правах человека 1998 г., должна полностью совпадать с защитой, предоставляемой ЕСПЧ (не больше и не меньше). Иными словами, постановления ЕСПЧ должны как бы зеркально отражаться в национальном правовом порядке Англии.

В настоящее время по причине существенного реформирования деятельности ЕСПЧ, вызванного повышением ответственности государств за соблюдение ими прав и свобод человека и гражданина, “принцип зеркала” утратил свое значение в качестве юридической основы для выстраивания взаимоотношений между ЕСПЧ и национальными юрисдикциями (как в Англии, так и в иных правовых порядках). В диссертации доказывается, что ему на смену пришел принцип свободы усмотрения (*margin of appreciation*), который из постулата правовой доктрины эволюционировал в функциональный принцип взаимодействия, предполагающий, что национальные суды могут самостоятельно оценить соответствующие стандарты прав, гарантированных ЕСПЧ, с учетом национального контекста и через призму гражданской процессуальной формы.

Аргументировано, что в Англии реализация принципа свободы усмотрения дает возможность национальному суду отступить от решений Страсбургского суда, мотивируя выбор такой линии поведения. В Германии он реализован через доктрину методически приемлемого толкования законов (*im Rahmen methodisch vertretbarer Auslegung zu beachten und anwenden*), согласно которой дружелюбное конвенционное толкование национального законодательства (*convention friendly*

interpretation) не может бежать впереди смысла, придаваемого законодателем. В Италии и России принцип свободы усмотрения реализуется в соответствии с доктриной “промежуточной нормы” (“*interposed norm*” / “*norma interposta*”), суть которой в том, что если национальный суд придет к выводу о противоречии постановления ЕСПЧ, в котором установлено нарушение государством гарантированных Конвенцией прав, а) Конституции или б) федеральному закону, он не вправе ни применить его, ни отказать в его применения, а обязан обратиться с запросом в Конституционный Суд.

Глава третья диссертации “**Механизм взаимодействия Европейского Суда по правам человека и национальных судебных юрисдикций**” состоит из трех параграфов и посвящена выявлению и анализу процедурного и онтологического воплощения взаимодействия ЕСПЧ и национальных судебных юрисдикций на основе норм гражданского процессуального права.

В ней доказывается, что родившись эволюционным путем в результате исторического развития цивилистического процесса, право на судебную защиту получило закрепление на международном уровне в качестве права на справедливое судебное разбирательство (ст. 6 ЕКПЧ). Аккумулированные в нем ценности возвращаются в национальный процесс в новой ипостаси – в виде общепризнанного принципа международного права в области правосудия.

Национальному правопорядку известно несколько способов восприятия указанных ценностей: (а) процедурный; (б) посредством определения содержания оценочных категорий, оказывающих влияние на течение цивилистического процесса, некоторые из которых также адаптированы через самостоятельную процедуру; (в) через истолкование основополагающих начал (принципов) цивилистического процесса в ходе осуществления правосудия.

В первом параграфе “Пересмотр судебных постановлений по новым обстоятельствам в связи с установлением Европейским Судом по правам человека нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод” доказывается, что механизм взаимодействия ЕСПЧ и национальных судебных юрисдикций включает в себя конкретные судебные

процедуры, урегулированные цивилистической процессуальной формой, посредством которых общепризнанные ценности в области справедливого судебного разбирательства реализуются в конкретных процессуальных отношениях.

В России такой процедурой является пересмотр судебных постановлений по новым обстоятельствам в случае установления ЕСПЧ нарушения положений ЕКПЧ при рассмотрении судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Европейский Суд (п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, п. 4 ч. 3 ст. 311 АПК РФ, п. 4 ч. 1 ст. 350 КАС РФ).

В диссертации исследована сущность данной процедуры, а также ее процессуальный алгоритм.

Доказывается, что инициировать возбуждение производства по пересмотру судебных постановлений по новым обстоятельствам могут только лица, в пользу которых вынесено соответствующее постановление ЕСПЧ. Лица, не обращавшиеся в ЕСПЧ, но имеющие вступившее в силу судебное постановление со схожими фактическими обстоятельствами, не обладают таким правом. Это связано с тем, что постановление ЕСПЧ есть акт неофициального толкования Конвенции, что исключает возможность его использования для целей пересмотра по новым обстоятельствам за пределами того дела, по которому оно было вынесено. Юридическая сила постановления ЕСПЧ распространяется лишь на судебные акты, вынесенные по конкретному делу и в отношении конкретного заявителя, а мягко-правовое (ненормативное) значение правовой позиции Европейского Суда обратной силы ей не придает, а потому не может повлечь и *restitutio in integrum*.

Основанием для пересмотра судебного акта ввиду новых обстоятельств является не всякое установленное Европейским Судом нарушение РФ положений Конвенции или Протоколов к ней. Судебный акт подлежит пересмотру лишь в том случае, если заявитель продолжает испытывать неблагоприятные последствия такого акта и выплаченная заявителю справедливая компенсация не обеспечивает восстановление нарушенных прав и свобод (в частности, когда незаконность

решения вызвана необоснованным отказом в допросе свидетелей, нарушением принципа гласности судебного разбирательства, отменой судебного постановления в порядке надзора в нарушение принципа правовой определенности).

Во втором параграфе “Разумный срок судопроизводства в контексте судебного присуждения компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок” исследована правовая природа разумного срока судопроизводства и критерии для его исчисления, используемые в контексте присуждения компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок.

На основе общенаучного метода обобщения автор приходит к выводу, что относительно правовой природы разумного срока судопроизводства по существу сложились три основные концепции: 1) разумный срок судопроизводства – самостоятельный принцип судопроизводства; 2) разумный срок судопроизводства – составная часть принципа а) разумности или б) процессуальной экономии; 3) разумный срок судопроизводства – составляющая права на судебную защиту, объективированная через задачу гражданского судопроизводства.

В диссертации поддерживается точка зрения о признании разумного срока судопроизводства имманентной составляющей права на судебную защиту, объективированной через задачу гражданского судопроизводства посредством использования оценочной категории. Такое определение сущности разумного срока отвечает онтологии цивилистического процесса.

Его роль в механизме взаимодействия ЕСПЧ и национальных судебных юрисдикций наглядно проявляется при анализе обстоятельств, подлежащих установлению при определении разумного срока судопроизводства, содержание которых в диссертации раскрыто с учетом правовых позиций Верховного Суда РФ и ЕСПЧ.

В третьем параграфе “Истолкование основополагающих начал (принципов) цивилистического процесса” выявляется содержание ряда принципов цивилистического процесса сквозь призму правовых позиций ЕСПЧ.

В диссертации доказывается, что взаимодействие ЕСПЧ и национальных судебных юрисдикций осуществляется не только на процедурном, но и на онтологическом уровне через истолкование основополагающих начал (принципов) цивилистического процесса.

Это объясняется тем, что принципы цивилистического процесса, имея универсальное значение, “отражают общепризнанные в сообществе демократических государств стандарты справедливого судебного разбирательства, без соблюдения которых судопроизводство не вправе претендовать на роль правосудия” (п. 1.3 Концепции единого ГПК РФ). Таким образом, они корреспондируют праву на справедливое судебное разбирательство, которое, в сущности, основано на них.

На взгляд автора, указанная сущностная корреляция общепризнанного принципа международного права в сфере цивилистического процесса и национальных принципов цивилистического процесса позволяет национальным судам при выявлении их содержания учесть и ст. 6 ЕКПЧ (в истолковании ЕСПЧ).

Методология учета правовых позиций ЕСПЧ при истолковании основополагающих начал (принципов) цивилистического выявлена на основе анализа принципов, получивших наиболее полное и ясное истолкование в практике ЕСПЧ (гласности, устности, независимости судей, состязательности и равноправия).

Завершается диссертационное исследование **заключением**, в котором сформулированы основные выводы по итогам исследования.

По теме диссертации опубликованы следующие работы

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, включённых в Перечень ВАК при Минобрнауки России:

1. Любченко М.Я. Об определении разумных пределов расходов на оплату услуг представителя // *Хозяйство и право*. 2012. № 4. С. 121-125 (0,42 п.л.);
2. Любченко М.Я., Орлова А.И. Актуальные вопросы возмещения судебных издержек // *Закон*. 2012. № 1. С. 149-159 (1,02 п.л. / 0,8 п.л.);
3. Любченко М.Я. Алгоритм рассмотрения арбитражными судами дел о взыскании расходов на оплату услуг представителей // *Вестник Федерального арбитражного суда Московского округа*. 2013. № 2. С. 114-127 (0,79 п.л.);
4. Любченко М.Я. Постановления Европейского Суда по правам человека – источник гражданского процессуального права России? // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2013. № 2. С. 2-7 (0,39 п.л.);
5. Любченко М.Я. К вопросу о значении постановлений Европейского Суда по правам человека // *Право и политика*. 2013. № 8(164). С. 1052-1062 (0,55 п.л.);
6. Любченко М.Я. Взаимодействие Европейского Суда по правам человека и национальных юрисдикций: европейский взгляд на гармонизацию процесса // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2014. № 1. С. 20-25 (0,42 п.л.);
7. Любченко М.Я. Постановления Европейского Суда по правам человека как «мягкое право» (*soft law*) // *Вестник гражданского процесса*. 2017. № 3. С. 256-270 (1,01 п.л.).

*Статьи, опубликованные в рецензируемом зарубежном журнале,
включённом в базу данных EBSCO:*

8. Lyubchenko M.Ya. Are judgments of the European Court of Human Rights the source of the civil procedural law of Russia? // Teise. 2013. Vol. 87. P. 237-244 (0,40 п.л.);
9. Lyubchenko M.Ya. Mechanism of the procedural law globalization or 29th regime of procedural law in European Union // Teise. 2014. Vol. 92. P. 177-183 (0,40 п.л.).

Статьи, опубликованные в иных научных изданиях:

10. Любченко М.Я. О принципах взаимодействия ЕСПЧ и национальных юрисдикций // Право и процесс в XXI веке: континентальный опыт и перспективы: материалы Междунар. научн. конф. Красноярск. СФУ, 2011. С. 259-265 (0,37 п.л.);
11. Любченко М.Я. К вопросу о принципах взаимодействия ЕСПЧ и национальных юрисдикций (в контексте гармонизации гражданского процесса) // Проблемы гражданского судопроизводства в трудах и деятельности М.С. Шакарян: сб. материалов Междунар. научн.-практ. конф., посв. памяти и 90-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора М.С. Шакарян / отв. ред. С.М. Михайлов. М.: Проспект, 2014. С. 142-146 (0,61 п.л.);
12. Любченко М.Я. К вопросу о правовой природе постановлений Европейского Суда по правам человека в контексте цивилистического процесса // Государственный суверенитет и верховенство права: международное и национальное измерения: материалы круглых столов II Моск. юрид. форума и VIII Междунар. научн.-практ. конф. (Кутафинские чтения). (2-4 апр. 2015 г.): в 2 ч. М.: Проспект, 2015. Ч. 1. С. 559-564 (0,37 п.л.).